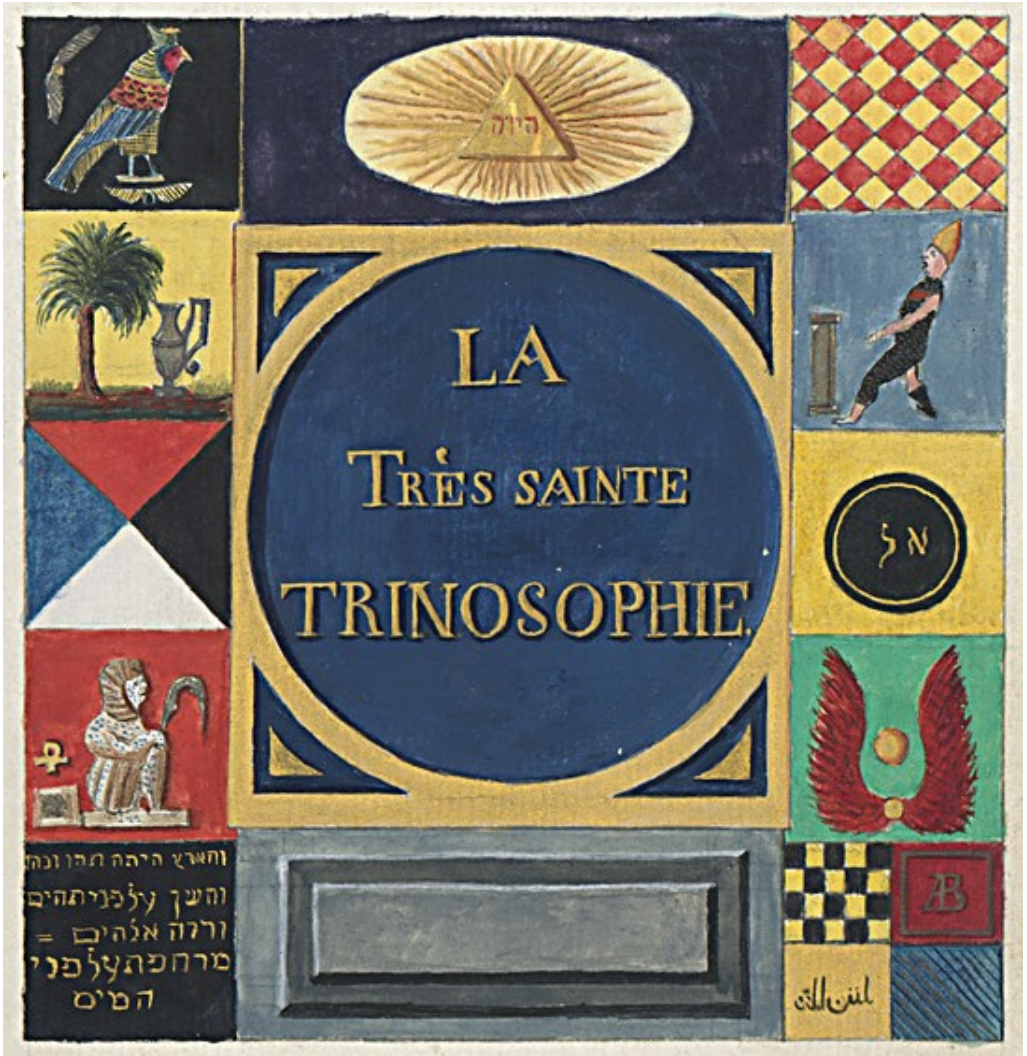

Граф Сен-Жермен

Пресвятая Тринософия

Эти строки, которые должны будут послужить вашему образованию, ваш друг начертал в тюрьме для преступников, в подвалах Инквизиции. Думая о неопределимых преимуществах, которые вам должны доставить эти дружеские записки, я чувствую, как смягчаются ужасы заточения, столь же долгого, сколь и незаслуженного... Мне доставляет удовольствие думать, что в окружении стражников, отягченный кандалами, раб все еще может возвысить своего друга над могущественными монархами, которые правят этим местом заточения.

Вы проникнете, мой дорогой Филошат, в святая святых высших наук; моя рука поднимет для вас непроницаемую завесу, скрывающую от глаз обычного человека дарохранительницу, святилище, куда Всевышний поместил тайны Природы, которые он предназначил лишь для немногих привилегированных существ, для Избранных, которых его Всемогущество создало, чтобы Видеть, и чтобы, вознесясь вслед за ним в бесконечности его Славы, направить один из лучей, чье сияние окружает его золотой трон, на род человеческий.

Пусть пример вашего друга будет для вас полезным уроком, и тогда я благословлю долгие годы испытаний, посланных мне по воле злых людей.

Два подводных камня, одинаково опасных, постоянно будут встречаться на вашем пути; один из них попирает священные права каждого индивидуума: это Злоупотребление властью, которую БОГ доверил вам, а другой будет причиной вашей гибели: это Болтливость... Оба рождены от одной матери,

оба обязаны своим существованием Гордыне, а человеческая слабость вскормила их своим молоком; они слепы; мать ведет их; с ее помощью эти два чудовища донесут свое нечистое дыхание до сердца Избранных самим Всевышним. Горе тому, кто злоупотребит дарами неба для потакания своим страстям. Всемогущая рука, подчиняющая ему все Элементы, ломит его, как слабую тростинку; вечных мук не хватит, чтобы искупить его преступление. Духи ада будут с презрением смеяться над слезами существа, чей грозный голос столько раз заставлял их дрожать в глубине огненных пропастей.

Я набрасываю эту устрашающую картину отнюдь не для вас, Филошат; друг человечества никогда не станет его мучителем... но Болтливость, сын мой, эта властная потребность вызывать изумление, восхищение, - вот бездна, которой я опасюсь для вас. БОГ, предоставляет людям заботу наказать неосторожного служителя, позволившего взгляду профана проникнуть в таинственное святилище; о Филошат, пусть мои несчастья всегда приходят вам на ум. И я тоже знал счастье. Осыпанный дарами Неба, окруженный столь великим могуществом, что оно было недоступно человеческому пониманию, повелевавший духами, которые правят миром, счастливый от того счастья, которое я давал, я в лоне обожаемой семьи вкушал то блаженство, которое Всевышний дарит своим дорогим чадам. И одно мгновение все разрушило, я заговорил, и все исчезло как дым. О сын мой, не ходите по моим следам... Только бы суетное желание блистать в глазах света не вызвало и вашу гибель... Думайте обо мне, ваш друг пишет вам из тюрьмы, и его тело раздавлено пытками. Филошат, подумайте о том, что рука, пишущая эти слова, вся в шрамах от оков, ее отягощающих... Бог наказал меня; но что я сделал жестоким людям, которые меня преследуют? Какое право они имеют допрашивать слугу Всевышнего? Они спрашивают меня, каковы доказательства моей миссии: мои свидетели - чудеса; мои защитники -

мои добродетели, непорочная жизнь, чистое сердце; что я говорю, разве есть у меня еще право жаловаться? Я заговорил. Всевышний отдал меня, лишенного сил и могущества, во власть беснований алчного фанатизма. Рука, которая раньше могла уничтожить целую армию, сегодня с трудом может поднять цепи, ее тяготящие.

Я заблуждаюсь, я должен быть благодарен вечной справедливости, мстительный Бог простил своего кающегося сына. Дух Воздуха проник сквозь стены, отделяющие меня от мира, осиянного светом; он явился предо мной и определил срок моего заточения. Через два года мои несчастья окончатся; мои палачи, войдя в мою темницу, найдут ее пустой; и вскоре, очищенный четырьмя элементами, чистый, как дух огня, я вернусь в славную когорту, куда я был поднят Божественной добротой, но как далек еще этот срок! Какими долгими два года кажутся тому, кто проводит их в страданиях и унижениях! Мои преследователи, не удовлетворенные тем, что подвергли меня самым жутким мучениям, применили более верные и более отвратительные средства; они обрушили бесчестье на мою голову; они опозорили мое имя. Дети, случайно приблизившись к стенам моей тюрьмы, в испуге пятятся; они боятся, что сквозь узкое отверстие, пропускающее, словно с сожалением, луч света в мою темницу, просочатся смертоносные испарения. О Филошат! это самый жестокий удар, который они только могли мне нанести...

Я еще не знаю, смогу ли я передать вам это послание... Трудности, которые мне встретятся при попытке передать его из этой юдоли страданий на волю, я оцениваю по тем, которые пришлось преодолеть, чтобы его закончить. Лишенный всякой помощи, я сам сделал все, что мне было нужно. Огонь моей лампы, несколько монет и немного химических веществ, ускользнувших от пристального взгляда моих палачей, позволили мне изготовить краски, украшающие этот плод досу-

га узника.

Воспользуйтесь указаниями вашего несчастного друга, они столь ясны, что заставляют меня опасаться, предполагая, что это писание может попасть в другие руки, а не в ваши; помните только, что все должно послужить вам. Одна только строка, плохо объясненная, один пропущенный знак помешает вам приподнять завесу, которой рука Создателя укрыла Сфинкса. Прощайте, Филошат; не жалеете обо мне; милосердие Всевышнего равно его справедливости. На первой же тайной ассамблее вы вновь увидите вашего друга. Приветствую вас в Боге. Очень скоро я поцелую моего брата с миром".

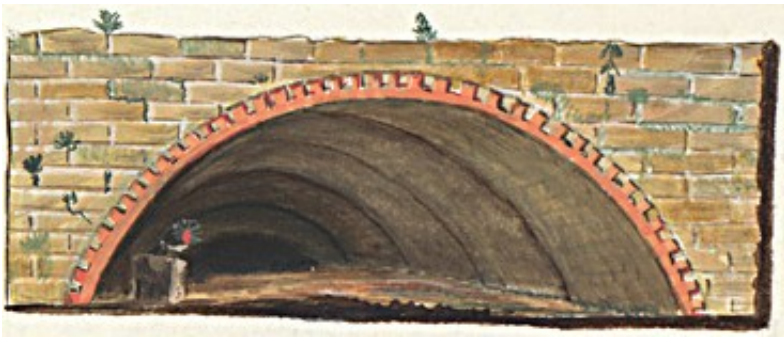
⊖ = Misc. Aug. d. 70. am. Ⓞ N
XLII. 3. 8. 7. :: 7. 7. 7. 7. 7.

8

לוי ויהו ספר ק

Была ночь. Луна, спрятанная за темными облаками, неверным светом озаряла глыбы лавы, окружающие solfatara. Я, с головой, покрытой льняным покрывалом, держа в руках золотую ветвь, без опаски продвигался к тому месту, где, согласно приказу, должен был провести ночь. Я брел по раскаленному песку, ощущая каждое мгновение, как он оседал под моими шагами; тучи клубились над моей головой; молнии пронизывали их и придавали кровавый оттенок пламени вулкана... Наконец, я у цели, я вижу железный алтарь, кладу на него таинственную ветвь... я произношу грозные слова... В это мгновение земля вздрагивает под моими стопами, и раздается удар грома... Рев Везувия отвечает этому двойному удару; его огонь сливается с огнем молнии... Хоры Духов возносятся ввысь и заставляют эхо повторять хвалы Создателю... Освященная ветвь, которую я возложил на треугольный алтарь, воспламеняется; вдруг меня окружает густой дым, и я перестаю видеть. Погруженный во тьму, я, кажется, низвергся в пропасть. Не знаю, сколько времени я оставался в этом положении; но, открыв глаза, я тщетно искал те предметы, которые окружали меня ранее. Алтарь, Везувий, неаполитанская равнина исчезли с моих глаз, я находился в просторном подземелье, один, вдали от всего мира... Возле меня лежало длинное белое одеяние; его свободно ниспадающая ткань показалась мне сделанной из льняных нитей, на массивной гранитной глыбе стояла медная лампа; над ней была черная доска с греческими надписями, указывавшими путь, которым я должен был следовать. Я взял лампу, надел белые оде-

жды и углубился в узкий проход, стены которого были высечены из черного мрамора... Длина его была три мили; шум моих шагов пугающе громко разносился под его молчаливыми сводами; наконец, я увидел дверь; за ней были ступени, по которым я спустился. Я уже довольно долго был в пути, и вдруг мне показалось, что впереди какой-то блуждающий свет; я спрятал лампу; я устремил взгляд на замеченный мной объект; но он растворился и исчез, словно призрак.

Без сожалений о прошлом, без страха перед будущим, я продолжал путь; он становился все труднее... Я все дальше шел через галереи из блоков черного камня... и не осмеливался определить цель моего подземного путешествия. Наконец, после невероятно долгого пути, я попал в квадратное помещение; на каждой из его четырех стен была дверь; все двери были разного цвета, каждая из них выходила на одну из четырех сторон света. Вошел я через Северную дверь; она была черного цвета. Напротив меня была красная дверь; дверь Востока была синяя; напротив нее была ослепительно белая... посередине этого зала была расположена квадратная глыба; в центре ее сверкала хрустальная звезда. На северной стене виднелась картина; на ней была изображена нагая до пояса женщина, черное покрывало ниспадало до колен; две серебряные ленты украшали ее одежды; в руке она держала палочку; этой палочкой она касалась лба мужчины, стоящего напротив. Между ними был столик на одной ножке; на столе стоял кубок и лежало копьё. От земли поднималось пламя, направленное, как казалось, в сторону мужчины. Надпись объясняла сюжет этой картины; еще одна надпись указывала мне, как я могу выйти из этого зала.

Рассмотрев картину и звезду, я хотел уйти. Но только я вознамерился войти в красную дверь, как она, повершевшись на своих петлях с ужасающим лязгом, захлопнулась передо мной. Я хотел попытаться пройти через дверь, окрашенную в цвет неба, она не захлопнулась, но внезапно раздался шум, заставив-

ший меня обернуться; я увидел, что звезда пришла в движение, она отделилась от алтаря и покатилась в открытую белую дверь. Я сразу же направился следом за ней.

Ἰουλιανὸς ὁ βασιλεὺς

βασιλεὺς τῆς ἀνατολῆς ἔβαλε τὸν τῶνον τῆς ἐκείνου γλώσσης
ἐν τῷ ἔθει

Поднялся резкий ветер; мне стоило большого труда не дать моей лампе погаснуть. Наконец, моему взору открылось крыльцо из белого мрамора; я поднялся по девяти его ступеням. С последней ступени я увидел огромное водное пространство; справа от меня шумели стремительные водные потоки; слева совсем близко холодный дождь падал вперемежку с массами града. Я смотрел на это величественное зрелище, когда звезда, приведшая меня на крыльцо и медленно качавшаяся над моей головой, вдруг погрузилась в пучину; я решил, что это было приказание Всевышнего. Я бросился в пучину волн.

Невидимая рука подхватила мою лампу и поставила ее на макушку моей головы. Я рассекал пенные волны, стараясь достичь точки, противоположной тому месту, откуда я отправился. Наконец, заметив на горизонте слабый свет, я заторопился; я был посреди вод, и пот покрывал мое лицо; однако я напрасно тратил силы; берег, еле заметный вдали, казалось, удалялся от меня по мере того, как я продвигался. Силы начали покидать меня; я боялся не просто умереть, а умереть, не достигнув озарения... Я отчаялся и, подняв глаза, омытые слезами, к своду, вскричал: *Judica judicium meum et redime me, propter eloquium tuum vivifica me* (Вынеси мне приговор и спаси меня, твоей речью дай мне жизнь). Я уже с трудом мог шевелить уставшими членами и погружался все больше и больше, как вдруг я заметил возле себя лодку. Ее направлял человек, облаченный в роскошные одежды; я заметил, что нос лодки был

обращен к тому берегу, который я покинул; он приблизился ко мне, налбу его блистал золотой венец: *Vacle mecum*, - сказал он мне, - *mecum principium in terris, instruam te in via hacqua gradueris* (Иди со мной, со мной, могущественнейшим в мире; я покажу тебе путь, который ты должен одолеть). Я сразу же ответил: *Bonum est sperare in domino quam confidere in principibus...* (Лучше верить в Господа, чем сидеть в окружении могущественных). И мгновенно лодка и Монарх погрузились в поток; казалось, новые силы текут по моим жилам; мне удалось достичь цели всех моих усилий. Я был на берегу, покрытом песком зеленого цвета. Передо мной возвышалась серебряная стена; в ее толщи были врезаны две тонкие пластинки из красного мрамора, я подошел поближе: на одной были нанесены священные письмена, на другой выгравирована строка из греческих букв; между двумя пластинками был железный круг. Два льва, один красный, другой черный, располагались на облаках, и казалось, что они охраняли золотую корону, помещенную над ними. Возле круга можно было также видеть лук и две стрелы. Я прочел несколько знаков, начертанных на боку одного из львов. И только я успел разглядеть разные эмблемы, находившиеся на стене, как вдруг они исчезли вместе с ней.

ΣΠΥΡΙΔΥΘΑΝ ΠΡΟΦΗΤΕΥΣ

Вместо стены передо мной появилось огненное озеро; расплавленные потоки серы и смолы бурлили в нем. Я вздрогнул; оглушительный голос приказал мне пересечь это пламя, я подчинился, и мне показалось, что огонь стал утихать. Я долго шел сквозь пламя. Наконец я вышел в некое круговое пространство, где доброта небес позволила мне насладиться великолепным зрелищем.

Сорок огненных колонн украшали зал, в котором я находился. Одна сторона колонн горела живым белым огнем, а другая казалась затененной; ее покрывало черноватое пламя. В центре этого места возвышался жертвенник в форме змеи; зеленое золото украшало ее пеструю чешую, на которой отражалось окружающее пламя; глаза ее были похожи на рубины. Возле змеи находилась серебристая надпись. Роскошный меч был воткнут в землю рядом со змеей, а на голове ее стоял кубок.

Я услышал хор небесных духов; какой-то голос сказал мне: "Срок окончания твоего труда приближается, возьми меч и ударь змею". Я вытащил меч из ножен и подошел к жертвеннику. В одну руку я взял кубок, а другой нанес ужасающий удар по горлу змеи; меч отскочил, раздался звон, как будто я ударил по бронзовому колоколу. Как только я исполнил приказание голоса, жертвенник исчез; колонны затерялись в бесконечности; звук, который я услышал после удара мечом по жертвеннику, повторился, как будто тысячи ударов наносились одновременно; чья-то рука схватила меня за волосы и подняла к своду; свод раздвинулся и пропустил меня. Суетливые призра-

ки появились предо мной: Гидры и Ламии опутали меня змеями. Однако вид меча, который я держал в руке, разогнал толпившуюся нечисть, подобно тому, как первые лучи утреннего солнца рассеивают сновидения, хрупкие создания ночи.

Поднявшись по перпендикулярной линии через различные слои, образующие стенки шара, я вновь увидел свет Дня.

כדור לפא אשה

H
Ω
λ
M
F
Δ
VII
Δ
B
U

MY
T
EL
VI
p.a.v
8
+
A
N
T
C
XXIV

آفری تمنا حکمہ ما شیخ

И только я очутился на поверхности земли, как мой невидимый проводник повлек меня за собой еще быстрее. Скорость, с которой мы пересекали воздушные пространства, ни с чем не сравнить, только с ней самой. В одно мгновение равнины, которые были подо мной, исчезли из виду. Я с изумлением заметил, что вышел из глубины земли на очень большом удалении от неаполитанских окрестностей. Пустынная равнина, на ней несколько треугольных глыб - это было все, что я мог заметить.

Вскоре, несмотря на все уже перенесенные испытания, начались новые; земля казалась теперь только смутным облаком; я поднялся на огромную высоту; мой невидимый проводник покинул меня; долгое время я падал вниз сквозь пространство; и вот уже земля снова разворачивалась перед моим помутившимся взором... я уже мог подсчитать, через сколько минут я разобьюсь об одну из скал. И тут, быстрый, как мысль, мой проводник устремился вслед за мной; он подхватил меня и опять поднял, потом опять отпустил; наконец, он начал возносить меня вместе с собой на безмерную высоту; я видел, как проносились мимо меня небесные тела, как планеты вращались у моих ног. И вдруг дух, который нес меня, прикоснулся к моим глазам; я потерял сознание. Не знаю, сколько времени я пробыл в таком состоянии.

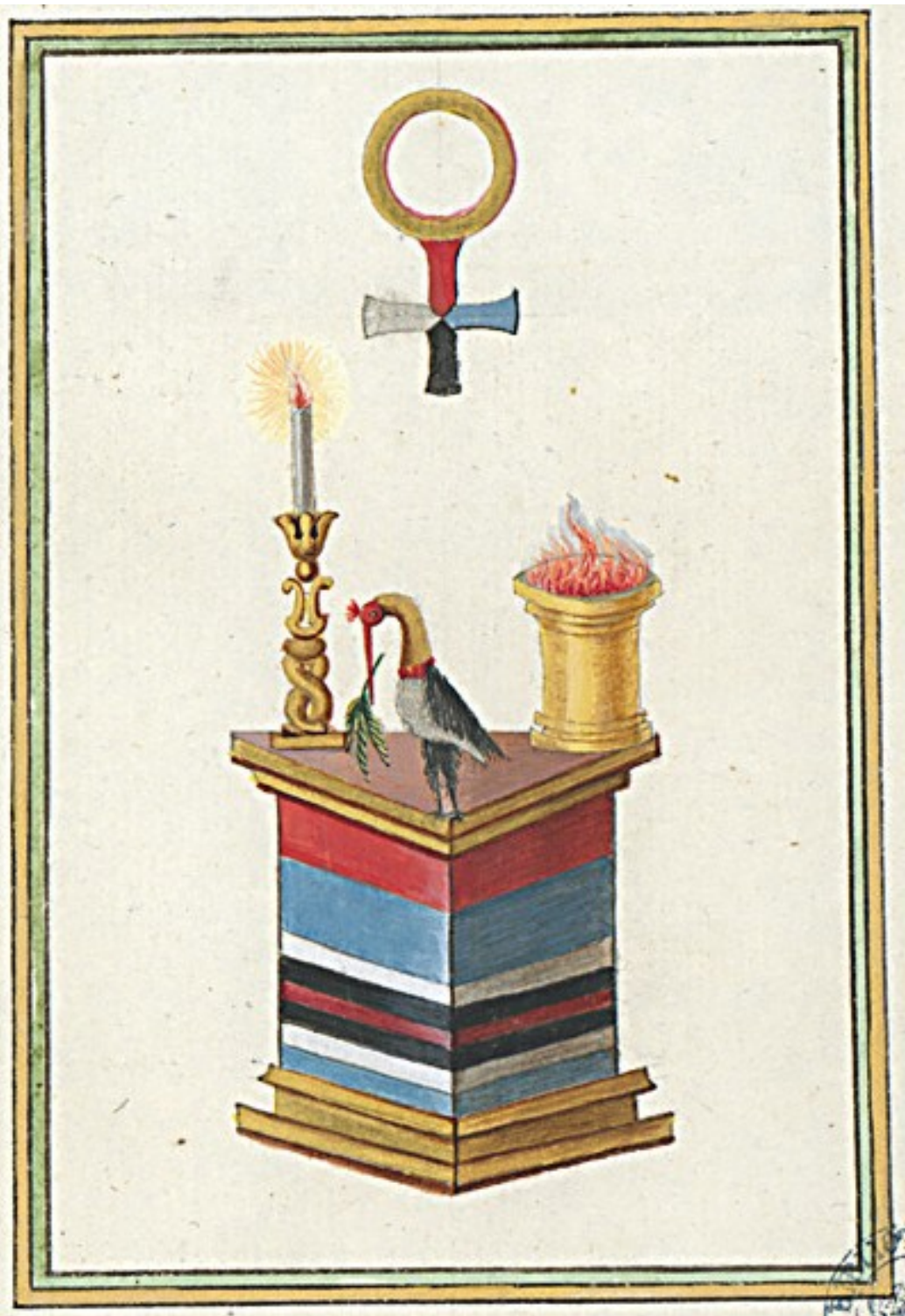
Очнувшись, я нашел себя лежащим на богатом ложе; ароматы цветов насыщали благоуханием воздух, который я вдыхал... Синее платье, усыпанное золотыми звездами, сменило

мою льняную одежду; напротив меня был желтый алтарь. Из него поднималось чистое пламя; никакой другой субстанции, кроме самого алтаря, не питало его... У основания алтаря были выгравированы черные символы. Рядом находился зажженный факел, блиставший, подобно солнцу; наверху была птица с черными стопами, серебряным телом, красной головой, черными крыльями и золотым горлом. Она все время двигалась, но без помощи крыльев. Летать она могла только среди пламени. В клюве ее была зеленая ветвь, имя ее **حجر** имя алтаря

حجر

Алтарь, птица и факел - это символы всего; ничто без них не может быть сделано; они сами суть все, что только есть доброго и великого. Факел называется **نور**. Эти различные эмблемы были окружены четырьмя надписями.

Я обернулся и увидел огромный дворец; его основание покоилось на облаках; его масса состояла из мрамора; форма его была треугольной; четыре этажа колонн возвышались один над другим. Заканчивалось здание хрустальным шаром. Первый ряд колонн был белого цвета, второй черного, третий зеленого и последний был сверкающего красного цвета. Полюбовавшись этим творением вечных художников, я захотел вернуться в то место, где были алтарь, птица и факел; я хотел еще понаблюдать за ними, но они исчезли. Я искал их глазами, как вдруг двери дворца распахнулись; почтенный старец вышел из них; одежда его походила на мою, за исключением сверкавшего на его груди золотистого солнца; в правой руке он держал зеленую ветвь; другой рукой он поддерживал кадило; к воротнику его была прикреплена деревянная цепь; остроконечная тиара, похожая на тиару Зороастра, покрывала его седовласую голову. Он приблизился ко мне; на его губах была приветливая улыбка: "Поклоняйся Богу, — сказал он мне на персидском языке, — это он поддержал тебя во время твоих испытаний, дух его был с тобой; сын мой, ты упустил возможность, ты мог в тот момент схватить птицу کتابک факел تاج и алтарь کتابک и ты бы стал одновременно Алтарем, Птицей и Факелом.

А теперь, чтобы достичь самых секретных мест Дворца высших наук, тебе придется пройти через все его повороты, идем... я должен познакомить тебя с моими братьями". Он взял

меня за руку и ввел в просторный зал.

Обычные глаза не могут представить себе форму и богатство украшавших его орнаментов... Триста шестьдесят колонн окружали его со всех сторон; на потолке был крест красного, белого, синего и черного цвета; его поддерживало золотое кольцо. В центре зала стоял треугольный алтарь, состоящий из четырех элементов; на его трех углах находились птица, алтарь и факел. "Их имена изменились, — сказал мне мой гид; — здесь птицу зовут **אמפירוכא** алтарь **כהנא** а факел **פרייר** зал называется **אֶלְטָרִי** треугольный алтарь **Αεαντρ** Вокруг алтаря располагались троны, числом восемьдесят один; на каждый из них можно было подняться по девяти ступеням неравной высоты; их покрывали красные чехлы.

Пока я разглядывал троны, раздался звук трубы; при этом звуке двери зала **אֶלְטָרִי** распахнулись, и вошли семьдесят девять персон, все были одеты, как мой проводник. Они медленно подошли и воссели на троны. Мой проводник стоял рядом со мной. Старец, отличавшийся от своих братьев пурпурной накидкой, края которой были украшены вышитыми письменами, поднялся, и мой вожатый начал говорить на священном языке: "Вот один из детей наших, которого Бог хочет сделать великим, подобно его отцам". "Да исполнится воля Господа", — ответил старец. "Сын мой, — прибавил он, обращаясь ко мне, — ваше время физических испытаний окончилось... Вам осталось совершить дальние путешествия, отныне ваше имя будет **אלעבאם** Прежде чем пройти по этому зданию, восемь моих братьев и я сделаем вам каждый по подарку". Он подошел ко мне и с поцелуем мира вручил куб из серой глины; он называется **כמהר** второй из них дал мне три цилиндра из черного камня, называемого **קנב** третий — округлый кусок хрусталя, который называют **זנא** четвертый — султан из синих перьев, называемый **אשקושן** пятый добавил к этому серебряный сосуд, называемый **ששם** шестой — кисть винограда, известно-

го среди Мудрецов под именем **מִשְׁפַּחַת הַכֹּהֲנִים** седьмой подарил мне фигурку птицы, формой напоминавшую **תְּרִיב** но не имевшую таких же ярких цветов; она была из серебра. "У нее то же имя, — сказал он мне, — ты должен дать ей те же достоинства". Восьмой дал мне маленький алтарь, также напоминающий алтарь **תְּרִיב** И наконец, мой проводник вложил в мою руку факел, сделанный, как и **תְּרִיב** из блестящих частиц; он был погашен. "Ты, как и твои предшественники, — добавил он, — должен будешь дать ему те же достоинства". "Подумай об этих дарах, — сказал мне затем главный мудрец, — все они также стремятся к совершенству; но ничто не совершенно само по себе, и только из их смеси должно будет выйти божественное творение. Знай также, что все они — ничто, если ты их не применишь в том порядке, в котором они тебе были даны. Второй дар, который нужен для того, чтобы использовать первый, будет только грубым веществом, не имеющим ни тепла, ни пользы, без того, который идет вслед за ним. Заботливо храни подарки, которые ты получил, и начинай путешествия после того, как выпьешь из кубка жизни".

В хрустальном кубке он подал мне искрившийся шафрановый напиток; вкус его был великолепен, от него исходил тончайший аромат. Пригубив напиток, я хотел вернуть кубок.

"Допей, — сказал мне старец, — этот напиток будет твоей единственной пищей во время твоих путешествий". Я подчинился и почувствовал, как божественный огонь пробежал по всем фибрам моего тела; я стал сильнее, смелее; даже мои умственные способности, казалось, удвоились.

Я поспешил приветствовать Мудрецов верховной ассамблеи, которую я должен был покинуть, и, следуя указаниям моего проводника, вошел в длинную галерею, расположенную справа от меня.

Вблизи входа в галерею, где я находился, был железный чан; при моем приближении он наполнился кристально чистой водой, которая очищалась на белом очень мелком песке. Чан был овальной формы; его поддерживали три бронзовые опоры. Черная пластина, врезанная со стороны, обращенной к двери, содержала несколько надписей; над ней две колонны из зеленого мрамора поддерживали округлую мраморную дощечку.

На ней в окружении двух надписей можно было видеть знак священной печати, образованный четырехцветным крестом, прикрепленным к золотой поперечине, поддерживавшей два круга, внутри которых было два других концентрических круга, больший — черный, меньший — красный. На одной из колонн был укреплен серебряный топор с синей рукояткой: он назывался כרסות

Прочитав надписи, я приблизился к чану и начал омовение: сначала окунул руки, и в конце концов весь погрузился в него. Там я оставался три дня; когда я вышел из воды, то заметил, что она потеряла свою прозрачность; песок стал сероватого цвета; частицы цвета ржавчины плавали в жидкости. Я хотел вытереться льняным покрывалом, но на месте впитывавшихся тканью капель воды беспрерывно появлялись новые. Я отказался от мысли осушить свое тело с помощью покрывала и, оставаясь в тени, провел в неподвижности полных шесть дней.

В конце этого срока источник воды иссяк; я высох и чувствовал себя более легким, хотя, как мне казалось, силы мои возросли. Некоторое время я прогуливался, потом вернулся к чану; вода, которая в нем находилась, исчезла; вместо нее появилась

красноватая жидкость; песок стал серым и металлическим. Я снова погрузился в чан, следя за тем, однако, чтобы провести в нем всего несколько мгновений; выходя из чана, я увидел, что часть жидкости была поглощена моим телом. На этот раз я не пытался с помощью покрывала осушить жидкость, которой я пропитался; она была настолько крепкой и едкой, что мгновенно испортила бы покрывало.

Я оказался в противоположном конце галереи и вытянулся на ложе из теплого песка; там я провел семь дней. После этого я вернулся к чану; вода была похожа на первоначальную; я погрузился в нее и, тщательно вымывшись, вышел. На этот раз мне удалось вытереться без труда. И наконец, очистившись в соответствии с полученными указаниями, я уже был готов выйти из этой галереи, в которой провел шестнадцать дней.

𐀀 𐀁 𐀂 𐀃 𐀄 𐀅 𐀆 𐀇 𐀈 𐀉 𐀊 𐀋 𐀌 𐀍 𐀎 𐀏 𐀐 𐀑 𐀒 𐀓 𐀔 𐀕 𐀖 𐀗 𐀘 𐀙 𐀚 𐀛 𐀜 𐀝 𐀞 𐀟 𐀠 𐀡 𐀢 𐀣 𐀤 𐀥 𐀦 𐀧 𐀨 𐀩 𐀪 𐀫 𐀬 𐀭 𐀮 𐀯 𐀰 𐀱 𐀲 𐀳 𐀴 𐀵 𐀶 𐀷 𐀸 𐀹 𐀺 𐀻 𐀼 𐀽 𐀾 𐀿 𐁀 𐁁 𐁂 𐁃 𐁄 𐁅 𐁆 𐁇 𐁈 𐁉 𐁊 𐁋 𐁌 𐁍 𐁎 𐁏 𐁐 𐁑 𐁒 𐁓 𐁔 𐁕 𐁖 𐁗 𐁘 𐁙 𐁚 𐁛 𐁜 𐁝 𐁞 𐁟 𐁠 𐁡 𐁢 𐁣 𐁤 𐁥 𐁦 𐁧 𐁨 𐁩 𐁪 𐁫 𐁬 𐁭 𐁮 𐁯 𐁰 𐁱 𐁲 𐁳 𐁴 𐁵 𐁶 𐁷 𐁸 𐁹 𐁺 𐁻 𐁼 𐁽 𐁾 𐁿 𐂀 𐂁 𐂂 𐂃 𐂄 𐂅 𐂆 𐂇 𐂈 𐂉 𐂊 𐂋 𐂌 𐂍 𐂎 𐂏 𐂐 𐂑 𐂒 𐂓 𐂔 𐂕 𐂖 𐂗 𐂘 𐂙 𐂚 𐂛 𐂜 𐂝 𐂞 𐂟 𐂠 𐂡 𐂢 𐂣 𐂤 𐂥 𐂦 𐂧 𐂨 𐂩 𐂪 𐂫 𐂬 𐂭 𐂮 𐂯 𐂰 𐂱 𐂲 𐂳 𐂴 𐂵 𐂶 𐂷 𐂸 𐂹 𐂺 𐂻 𐂼 𐂽 𐂾 𐂿 𐃀 𐃁 𐃂 𐃃 𐃄 𐃅 𐃆 𐃇 𐃈 𐃉 𐃊 𐃋 𐃌 𐃍 𐃎 𐃏 𐃐 𐃑 𐃒 𐃓 𐃔 𐃕 𐃖 𐃗 𐃘 𐃙 𐃚 𐃛 𐃜 𐃝 𐃞 𐃟 𐃠 𐃡 𐃢 𐃣 𐃤 𐃥 𐃦 𐃧 𐃨 𐃩 𐃪 𐃫 𐃬 𐃭 𐃮 𐃯 𐃰 𐃱 𐃲 𐃳 𐃴 𐃵 𐃶 𐃷 𐃸 𐃹 𐃺 𐃻 𐃼 𐃽 𐃾 𐃿 𐄀 𐄁 𐄂 𐄃 𐄄 𐄅 𐄆 𐄇 𐄈 𐄉 𐄊 𐄋 𐄌 𐄍 𐄎 𐄏 𐄐 𐄑 𐄒 𐄓 𐄔 𐄕 𐄖 𐄗 𐄘 𐄙 𐄚 𐄛 𐄜 𐄝 𐄞 𐄟 𐄠 𐄡 𐄢 𐄣 𐄤 𐄥 𐄦 𐄧 𐄨 𐄩 𐄪 𐄫 𐄬 𐄭 𐄮 𐄯 𐄰 𐄱 𐄲 𐄳 𐄴 𐄵 𐄶 𐄷 𐄸 𐄹 𐄺 𐄻 𐄼 𐄽 𐄾 𐄿 𐅀 𐅁 𐅂 𐅃 𐅄 𐅅 𐅆 𐅇 𐅈 𐅉 𐅊 𐅋 𐅌 𐅍 𐅎 𐅏 𐅐 𐅑 𐅒 𐅓 𐅔 𐅕 𐅖 𐅗 𐅘 𐅙 𐅚 𐅛 𐅜 𐅝 𐅞 𐅟 𐅠 𐅡 𐅢 𐅣 𐅤 𐅥 𐅦 𐅧 𐅨 𐅩 𐅪 𐅫 𐅬 𐅭 𐅮 𐅯 𐅰 𐅱 𐅲 𐅳 𐅴 𐅵 𐅶 𐅷 𐅸 𐅹 𐅺 𐅻 𐅼 𐅽 𐅾 𐅿 𐆀 𐆁 𐆂 𐆃 𐆄 𐆅 𐆆 𐆇 𐆈 𐆉 𐆊 𐆋 𐆌 𐆍 𐆎 𐆏 𐆐 𐆑 𐆒 𐆓 𐆔 𐆕 𐆖 𐆗 𐆘 𐆙 𐆚 𐆛 𐆜 𐆝 𐆞 𐆟 𐆠 𐆡 𐆢 𐆣 𐆤 𐆥 𐆦 𐆧 𐆨 𐆩 𐆪 𐆫 𐆬 𐆭 𐆮 𐆯 𐆰 𐆱 𐆲 𐆳 𐆴 𐆵 𐆶 𐆷 𐆸 𐆹 𐆺 𐆻 𐆼 𐆽 𐆾 𐆿 𐇀 𐇁 𐇂 𐇃 𐇄 𐇅 𐇆 𐇇 𐇈 𐇉 𐇊 𐇋 𐇌 𐇍 𐇎 𐇏 𐇐 𐇑 𐇒 𐇓 𐇔 𐇕 𐇖 𐇗 𐇘 𐇙 𐇚 𐇛 𐇜 𐇝 𐇞 𐇟 𐇠 𐇡 𐇢 𐇣 𐇤 𐇥 𐇦 𐇧 𐇨 𐇩 𐇪 𐇫 𐇬 𐇭 𐇮 𐇯 𐇰 𐇱 𐇲 𐇳 𐇴 𐇵 𐇶 𐇷 𐇸 𐇹 𐇺 𐇻 𐇼 𐇽 𐇾 𐇿 𐈀 𐈁 𐈂 𐈃 𐈄 𐈅 𐈆 𐈇 𐈈 𐈉 𐈊 𐈋 𐈌 𐈍 𐈎 𐈏 𐈐 𐈑 𐈒 𐈓 𐈔 𐈕 𐈖 𐈗 𐈘 𐈙 𐈚 𐈛 𐈜 𐈝 𐈞 𐈟 𐈠 𐈡 𐈢 𐈣 𐈤 𐈥 𐈦 𐈧 𐈨 𐈩 𐈪 𐈫 𐈬 𐈭 𐈮 𐈯 𐈰 𐈱 𐈲 𐈳 𐈴 𐈵 𐈶 𐈷 𐈸 𐈹 𐈺 𐈻 𐈼 𐈽 𐈾 𐈿 𐉀 𐉁 𐉂 𐉃 𐉄 𐉅 𐉆 𐉇 𐉈 𐉉 𐉊 𐉋 𐉌 𐉍 𐉎 𐉏 𐉐 𐉑 𐉒 𐉓 𐉔 𐉕 𐉖 𐉗 𐉘 𐉙 𐉚 𐉛 𐉜 𐉝 𐉞 𐉟 𐉠 𐉡 𐉢 𐉣 𐉤 𐉥 𐉦 𐉧 𐉨 𐉩 𐉪 𐉫 𐉬 𐉭 𐉮 𐉯 𐉰 𐉱 𐉲 𐉳 𐉴 𐉵 𐉶 𐉷 𐉸 𐉹 𐉺 𐉻 𐉼 𐉽 𐉾 𐉿 𐊀 𐊁 𐊂 𐊃 𐊄 𐊅 𐊆 𐊇 𐊈 𐊉 𐊊 𐊋 𐊌 𐊍 𐊎 𐊏 𐊐 𐊑 𐊒 𐊓 𐊔 𐊕 𐊖 𐊗 𐊘 𐊙 𐊚 𐊛 𐊜 𐊝 𐊞 𐊟 𐊠 𐊡 𐊢 𐊣 𐊤 𐊥 𐊦 𐊧 𐊨 𐊩 𐊪 𐊫 𐊬 𐊭 𐊮 𐊯 𐊰 𐊱 𐊲 𐊳 𐊴 𐊵 𐊶 𐊷 𐊸 𐊹 𐊺 𐊻 𐊼 𐊽 𐊾 𐊿 𐋀 𐋁 𐋂 𐋃 𐋄 𐋅 𐋆 𐋇 𐋈 𐋉 𐋊 𐋋 𐋌 𐋍 𐋎 𐋏 𐋐 𐋑 𐋒 𐋓 𐋔 𐋕 𐋖 𐋗 𐋘 𐋙 𐋚 𐋛 𐋜 𐋝 𐋞 𐋟 𐋠 𐋡 𐋢 𐋣 𐋤 𐋥 𐋦 𐋧 𐋨 𐋩 𐋪 𐋫 𐋬 𐋭 𐋮 𐋯 𐋰 𐋱 𐋲 𐋳 𐋴 𐋵 𐋶 𐋷 𐋸 𐋹 𐋺 𐋻 𐋼 𐋽 𐋾 𐋿 𐌀 𐌁 𐌂 𐌃 𐌄 𐌅 𐌆 𐌇 𐌈 𐌉 𐌊 𐌋 𐌌 𐌍 𐌎 𐌏 𐌐 𐌑 𐌒 𐌓 𐌔 𐌕 𐌖 𐌗 𐌘 𐌙 𐌚 𐌛 𐌜 𐌝 𐌞 𐌟 𐌠 𐌡 𐌢 𐌣 𐌤 𐌥 𐌦 𐌧 𐌨 𐌩 𐌪 𐌫 𐌬 𐌭 𐌮 𐌯 𐌰 𐌱 𐌲 𐌳 𐌴 𐌵 𐌶 𐌷 𐌸 𐌹 𐌺 𐌻 𐌼 𐌽 𐌾 𐌿 𐍀 𐍁 𐍂 𐍃 𐍄 𐍅 𐍆 𐍇 𐍈 𐍉 𐍊 𐍋 𐍌 𐍍 𐍎 𐍏 𐍐 𐍑 𐍒 𐍓 𐍔 𐍕 𐍖 𐍗 𐍘 𐍙 𐍚 𐍛 𐍜 𐍝 𐍞 𐍟 𐍠 𐍡 𐍢 𐍣 𐍤 𐍥 𐍦 𐍧 𐍨 𐍩 𐍪 𐍫 𐍬 𐍭 𐍮 𐍯 𐍰 𐍱 𐍲 𐍳 𐍴 𐍵 𐍶 𐍷 𐍸 𐍹 𐍺 𐍻 𐍼 𐍽 𐍾 𐍿 𐎀 𐎁 𐎂 𐎃 𐎄 𐎅 𐎆 𐎇 𐎈 𐎉 𐎊 𐎋 𐎌 𐎍 𐎎 𐎏 𐎐 𐎑 𐎒 𐎓 𐎔 𐎕 𐎖 𐎗 𐎘 𐎙 𐎚 𐎛 𐎜 𐎝 𐎞 𐎟 𐎠 𐎡 𐎢 𐎣 𐎤 𐎥 𐎦 𐎧 𐎨 𐎩 𐎪 𐎫 𐎬 𐎭 𐎮 𐎯 𐎰 𐎱 𐎲 𐎳 𐎴 𐎵 𐎶 𐎷 𐎸 𐎹 𐎺 𐎻 𐎼 𐎽 𐎾 𐎿 𐏀 𐏁 𐏂 𐏃 𐏄 𐏅 𐏆 𐏇 𐏈 𐏉 𐏊 𐏋 𐏌 𐏍 𐏎 𐏏 𐏐 𐏑 𐏒 𐏓 𐏔 𐏕 𐏖 𐏗 𐏘 𐏙 𐏚 𐏛 𐏜 𐏝 𐏞 𐏟 𐏠 𐏡 𐏢 𐏣 𐏤 𐏥 𐏦 𐏧 𐏨 𐏩 𐏪 𐏫 𐏬 𐏭 𐏮 𐏯 𐏰 𐏱 𐏲 𐏳 𐏴 𐏵 𐏶 𐏷 𐏸 𐏹 𐏺 𐏻 𐏼 𐏽 𐏾 𐏿 𐐀 𐐁 𐐂 𐐃 𐐄 𐐅 𐐆 𐐇 𐐈 𐐉 𐐊 𐐋 𐐌 𐐍 𐐎 𐐏 𐐐 𐐑 𐐒 𐐓 𐐔 𐐕 𐐖 𐐗 𐐘 𐐙 𐐚 𐐛 𐐜 𐐝 𐐞 𐐟 𐐠 𐐡 𐐢 𐐣 𐐤 𐐥 𐐦 𐐧 𐐨 𐐩 𐐪 𐐫 𐐬 𐐭 𐐮 𐐯 𐐰 𐐱 𐐲 𐐳 𐐴 𐐵 𐐶 𐐷 𐐸 𐐹 𐐺 𐐻 𐐼 𐐽 𐐾 𐐿 𐑀 𐑁 𐑂 𐑃 𐑄 𐑅 𐑆 𐑇 𐑈 𐑉 𐑊 𐑋 𐑌 𐑍 𐑎 𐑏 𐑐 𐑑 𐑒 𐑓 𐑔 𐑕 𐑖 𐑗 𐑘 𐑙 𐑚 𐑛 𐑜 𐑝 𐑞 𐑟 𐑠 𐑡 𐑢 𐑣 𐑤 𐑥 𐑦 𐑧 𐑨 𐑩 𐑪 𐑫 𐑬 𐑭 𐑮 𐑯 𐑰 𐑱 𐑲 𐑳 𐑴 𐑵 𐑶 𐑷 𐑸 𐑹 𐑺 𐑻 𐑼 𐑽 𐑾 𐑿 𐒀 𐒁 𐒂 𐒃 𐒄 𐒅 𐒆 𐒇 𐒈 𐒉 𐒊 𐒋 𐒌 𐒍 𐒎 𐒏 𐒐 𐒑 𐒒 𐒓 𐒔 𐒕 𐒖 𐒗 𐒘 𐒙 𐒚 𐒛 𐒜 𐒝 𐒞 𐒟 𐒠 𐒡 𐒢 𐒣 𐒤 𐒥 𐒦 𐒧 𐒨 𐒩 𐒪 𐒫 𐒬 𐒭 𐒮 𐒯 𐒰 𐒱 𐒲 𐒳 𐒴 𐒵 𐒶 𐒷 𐒸 𐒹 𐒺 𐒻 𐒼 𐒽 𐒾 𐒿 𐓀 𐓁 𐓂 𐓃 𐓄 𐓅 𐓆 𐓇 𐓈 𐓉 𐓊 𐓋 𐓌 𐓍 𐓎 𐓏 𐓐 𐓑 𐓒 𐓓 𐓔 𐓕 𐓖 𐓗 𐓘 𐓙 𐓚 𐓛 𐓜 𐓝 𐓞 𐓟 𐓠 𐓡 𐓢 𐓣 𐓤 𐓥 𐓦 𐓧 𐓨 𐓩 𐓪 𐓫 𐓬 𐓭 𐓮 𐓯 𐓰 𐓱 𐓲 𐓳 𐓴 𐓵 𐓶 𐓷 𐓸 𐓹 𐓺 𐓻 𐓼 𐓽 𐓾 𐓿 𐔀 𐔁 𐔂 𐔃 𐔄 𐔅 𐔆 𐔇 𐔈 𐔉 𐔊 𐔋 𐔌 𐔍 𐔎 𐔏 𐔐 𐔑 𐔒 𐔓 𐔔 𐔕 𐔖 𐔗 𐔘 𐔙 𐔚 𐔛 𐔜 𐔝 𐔞 𐔟 𐔠 𐔡 𐔢 𐔣 𐔤 𐔥 𐔦 𐔧 𐔨 𐔩 𐔪 𐔫 𐔬 𐔭 𐔮 𐔯 𐔰 𐔱 𐔲 𐔳 𐔴 𐔵 𐔶 𐔷 𐔸 𐔹 𐔺 𐔻 𐔼 𐔽 𐔾 𐔿 𐕀 𐕁 𐕂 𐕃 𐕄 𐕅 𐕆 𐕇 𐕈 𐕉 𐕊 𐕋 𐕌 𐕍 𐕎 𐕏 𐕐 𐕑 𐕒 𐕓 𐕔 𐕕 𐕖 𐕗 𐕘 𐕙 𐕚 𐕛 𐕜 𐕝 𐕞 𐕟 𐕠 𐕡 𐕢 𐕣 𐕤 𐕥 𐕦 𐕧 𐕨 𐕩 𐕪 𐕫 𐕬 𐕭 𐕮 𐕯 𐕰 𐕱 𐕲 𐕳 𐕴 𐕵 𐕶 𐕷 𐕸 𐕹 𐕺 𐕻 𐕼 𐕽 𐕾 𐕿 𐖀 𐖁 𐖂 𐖃 𐖄 𐖅 𐖆 𐖇 𐖈 𐖉 𐖊 𐖋 𐖌 𐖍 𐖎 𐖏 𐖐 𐖑 𐖒 𐖓 𐖔 𐖕 𐖖 𐖗 𐖘 𐖙 𐖚 𐖛 𐖜 𐖝 𐖞 𐖟 𐖠 𐖡 𐖢 𐖣 𐖤 𐖥 𐖦 𐖧 𐖨 𐖩 𐖪 𐖫 𐖬 𐖭 𐖮 𐖯 𐖰 𐖱 𐖲 𐖳 𐖴 𐖵 𐖶 𐖷 𐖸 𐖹 𐖺 𐖻 𐖼 𐖽 𐖾 𐖿 𐗀 𐗁 𐗂 𐗃 𐗄 𐗅 𐗆 𐗇 𐗈 𐗉 𐗊 𐗋 𐗌 𐗍 𐗎 𐗏 𐗐 𐗑 𐗒 𐗓 𐗔 𐗕 𐗖 𐗗 𐗘 𐗙 𐗚 𐗛 𐗜 𐗝 𐗞 𐗟 𐗠 𐗡 𐗢 𐗣 𐗤 𐗥 𐗦 𐗧 𐗨 𐗩 𐗪 𐗫 𐗬 𐗭 𐗮 𐗯 𐗰 𐗱 𐗲 𐗳 𐗴 𐗵 𐗶 𐗷 𐗸 𐗹 𐗺 𐗻 𐗼 𐗽 𐗾 𐗿 𐘀 𐘁 𐘂 𐘃 𐘄 𐘅 𐘆 𐘇 𐘈 𐘉 𐘊 𐘋 𐘌 𐘍 𐘎 𐘏 𐘐 𐘑 𐘒 𐘓 𐘔 𐘕 𐘖 𐘗 𐘘 𐘙 𐘚 𐘛 𐘜 𐘝 𐘞 𐘟 𐘠 𐘡 𐘢 𐘣 𐘤 𐘥 𐘦 𐘧 𐘨 𐘩 𐘪 𐘫 𐘬 𐘭 𐘮 𐘯 𐘰 𐘱 𐘲 𐘳 𐘴 𐘵 𐘶 𐘷 𐘸 𐘹 𐘺 𐘻 𐘼 𐘽 𐘾 𐘿 𐙀 𐙁 𐙂 𐙃 𐙄 𐙅 𐙆 𐙇 𐙈 𐙉 𐙊 𐙋 𐙌 𐙍 𐙎 𐙏 𐙐 𐙑 𐙒 𐙓 𐙔 𐙕 𐙖 𐙗 𐙘 𐙙 𐙚 𐙛 𐙜 𐙝 𐙞 𐙟 𐙠 𐙡 𐙢 𐙣 𐙤 𐙥 𐙦 𐙧 𐙨 𐙩 𐙪 𐙫 𐙬 𐙭 𐙮 𐙯 𐙰 𐙱 𐙲 𐙳 𐙴 𐙵 𐙶 𐙷 𐙸 𐙹 𐙺 𐙻 𐙼 𐙽 𐙾 𐙿 𐚀 𐚁 𐚂 𐚃 𐚄 𐚅 𐚆 𐚇 𐚈 𐚉 𐚊 𐚋 𐚌 𐚍 𐚎 𐚏 𐚐 𐚑 𐚒 𐚓 𐚔 𐚕 𐚖 𐚗 𐚘 𐚙 𐚚 𐚛 𐚜 𐚝 𐚞 𐚟 𐚠 𐚡 𐚢 𐚣 𐚤 𐚥 𐚦 𐚧 𐚨 𐚩 𐚪 𐚫 𐚬 𐚭 𐚮 𐚯 𐚰 𐚱 𐚲 𐚳 𐚴 𐚵 𐚶 𐚷 𐚸 𐚹 𐚺 𐚻 𐚼 𐚽 𐚾 𐚿 𐛀 𐛁 𐛂 𐛃 𐛄 𐛅 𐛆 𐛇 𐛈 𐛉 𐛊 𐛋 𐛌 𐛍 𐛎 𐛏 𐛐 𐛑 𐛒 𐛓 𐛔 𐛕 𐛖 𐛗 𐛘 𐛙 𐛚 𐛛 𐛜 𐛝 𐛞 𐛟 𐛠 𐛡 𐛢 𐛣 𐛤 𐛥 𐛦 𐛧 𐛨 𐛩 𐛪 𐛫 𐛬 𐛭 𐛮 𐛯 𐛰 𐛱 𐛲 𐛳 𐛴 𐛵 𐛶 𐛷 𐛸 𐛹 𐛺 𐛻 𐛼 𐛽 𐛾 𐛿 𐜀 𐜁 𐜂 𐜃 𐜄 𐜅 𐜆 𐜇 𐜈 𐜉 𐜊 𐜋 𐜌 𐜍 𐜎 𐜏 𐜐 𐜑 𐜒 𐜓 𐜔 𐜕 𐜖 𐜗 𐜘 𐜙 𐜚 𐜛 𐜜 𐜝 𐜞 𐜟 𐜠 𐜡 𐜢 𐜣 𐜤 𐜥 𐜦 𐜧 𐜨 𐜩 𐜪 𐜫 𐜬 𐜭 𐜮 𐜯 𐜰 𐜱 𐜲 𐜳 𐜴 𐜵 𐜶 𐜷 𐜸 𐜹 𐜺 𐜻 𐜼 𐜽 𐜾 𐜿 𐝀 𐝁 𐝂 𐝃 𐝄 𐝅 𐝆 𐝇 𐝈 𐝉 𐝊 𐝋 𐝌 𐝍 𐝎 𐝏 𐝐 𐝑 𐝒 𐝓 𐝔 𐝕 𐝖 𐝗 𐝘 𐝙 𐝚 𐝛 𐝜 𐝝 𐝞 𐝟 𐝠 𐝡 𐝢 𐝣 𐝤 𐝥 𐝦 𐝧 𐝨 𐝩 𐝪 𐝫 𐝬 𐝭 𐝮 𐝯 𐝰 𐝱 𐝲 𐝳 𐝴 𐝵 𐝶 𐝷 𐝸 𐝹 𐝺 𐝻 𐝼 𐝽 𐝾 𐝿 𐞀 𐞁 𐞂 𐞃 𐞄 𐞅 𐞆 𐞇 𐞈 𐞉 𐞊 𐞋 𐞌 𐞍 𐞎 𐞏 𐞐 𐞑 𐞒 𐞓 𐞔 𐞕 𐞖 𐞗 𐞘 𐞙 𐞚 𐞛 𐞜 𐞝 𐞞 𐞟 𐞠 𐞡 𐞢 𐞣 𐞤 𐞥 𐞦 𐞧 𐞨 𐞩 𐞪 𐞫 𐞬 𐞭 𐞮 𐞯 𐞰 𐞱 𐞲 𐞳 𐞴 𐞵 𐞶 𐞷 𐞸 𐞹 𐞺 𐞻 𐞼 𐞽 𐞾 𐞿 𐟀 𐟁 𐟂 𐟃 𐟄 𐟅 𐟆 𐟇 𐟈 𐟉 𐟊 𐟋 𐟌 𐟍 𐟎 𐟏 𐟐 𐟑 𐟒 𐟓 𐟔 𐟕 𐟖 𐟗 𐟘 𐟙 𐟚 𐟛 𐟜 𐟝 𐟞 𐟟 𐟠 𐟡 𐟢 𐟣 𐟤 𐟥 𐟦 𐟧 𐟨 𐟩 𐟪 𐟫 𐟬 𐟭 𐟮 𐟯 𐟰 𐟱 𐟲 𐟳 𐟴 𐟵 𐟶 𐟷 𐟸 𐟹 𐟺 𐟻 𐟼 𐟽 𐟾 𐟿 𐠀 𐠁 𐠂 𐠃 𐠄 𐠅 𐠆 𐠇 𐠈 𐠉 𐠊 𐠋 𐠌 𐠍 𐠎 𐠏 𐠐 𐠑 𐠒 𐠓 𐠔 𐠕 𐠖 𐠗 𐠘 𐠙 𐠚 𐠛 𐠜 𐠝 𐠞 𐠟 𐠠 𐠡 𐠢 𐠣 𐠤 𐠥 𐠦 𐠧 𐠨 𐠩 𐠪 𐠫 𐠬 𐠭 𐠮 𐠯 𐠰 𐠱 𐠲 𐠳 𐠴 𐠵 𐠶 𐠷 𐠸 𐠹 𐠺 𐠻 𐠼 𐠽 𐠾 𐠿 𐡀 𐡁 𐡂 𐡃 𐡄 𐡅 𐡆 𐡇 𐡈 𐡉 𐡊 𐡋 𐡌 𐡍 𐡎 𐡏 𐡐 𐡑 𐡒 𐡓 𐡔 𐡕 𐡖 𐡗 𐡘 𐡙 𐡚 𐡛 𐡜 𐡝 𐡞 𐡟 𐡠 𐡡 𐡢 𐡣 𐡤 𐡥 𐡦 𐡧 𐡨 𐡩 𐡪 𐡫 𐡬 𐡭 𐡮 𐡯 𐡰 𐡱 𐡲 𐡳 𐡴 𐡵 𐡶 𐡷 𐡸 𐡹 𐡺 𐡻 𐡼 𐡽 𐡾 𐡿 𐢀 𐢁 𐢂 𐢃 𐢄 𐢅 𐢆 𐢇 𐢈 𐢉 𐢊 𐢋 𐢌 𐢍 𐢎 𐢏 𐢐 𐢑 𐢒 𐢓 𐢔 𐢕 𐢖 𐢗 𐢘 𐢙 𐢚 𐢛 𐢜 𐢝 𐢞 𐢟 𐢠 𐢡 𐢢 𐢣 𐢤 𐢥 𐢦 𐢧 𐢨 𐢩 𐢪 𐢫 𐢬 𐢭 𐢮 𐢯 𐢰 𐢱 𐢲 𐢳 𐢴 𐢵 𐢶 𐢷 𐢸 𐢹 𐢺 𐢻 𐢼 𐢽 𐢾 𐢿 𐣀 𐣁 𐣂 𐣃 𐣄 𐣅 𐣆 𐣇 𐣈 𐣉 𐣊 𐣋 𐣌 𐣍 𐣎 𐣏 𐣐 𐣑 𐣒 𐣓 𐣔 𐣕 𐣖 𐣗 𐣘 𐣙 𐣚 𐣛 𐣜 𐣝 𐣞 𐣟 𐣠 𐣡 𐣢 𐣣 𐣤 𐣥 𐣦 𐣧 𐣨 𐣩 𐣪 𐣫 𐣬 𐣭 𐣮 𐣯 𐣰 𐣱 𐣲 𐣳 𐣴 𐣵 𐣶 𐣷 𐣸 𐣹 𐣺 𐣻 𐣼 𐣽 𐣾 𐣿 𐤀 𐤁 𐤂 𐤃 𐤄 𐤅 𐤆 𐤇 𐤈 𐤉 𐤊 𐤋 𐤌 𐤍 𐤎 𐤏 𐤐 𐤑 𐤒 𐤓 𐤔 𐤕 𐤖 𐤗 𐤘 𐤙 𐤚 𐤛 𐤜 𐤝 𐤞 𐤟 𐤠 𐤡 𐤢 𐤣 𐤤 𐤥 𐤦 𐤧 𐤨 𐤩 𐤪 𐤫 𐤬 𐤭 𐤮 𐤯 𐤰 𐤱 𐤲 𐤳 𐤴 𐤵 𐤶 𐤷 𐤸 𐤹 𐤺 𐤻 𐤼 𐤽 𐤾 𐤿 𐥀 𐥁 𐥂 𐥃 𐥄 𐥅 𐥆 𐥇 𐥈 𐥉 𐥊 𐥋 𐥌 𐥍 𐥎 𐥏 𐥐 𐥑 𐥒 𐥓 𐥔 𐥕 𐥖 𐥗 𐥘 𐥙 𐥚 𐥛 𐥜 𐥝 𐥞 𐥟 𐥠 𐥡 𐥢 𐥣 𐥤 𐥥 𐥦 𐥧 𐥨 𐥩 𐥪 𐥫 𐥬 𐥭 𐥮 𐥯 𐥰 𐥱 𐥲 𐥳 𐥴 𐥵 𐥶 𐥷 𐥸 𐥹 𐥺 𐥻 𐥼 𐥽 𐥾 𐥿 𐦀 𐦁 𐦂 𐦃 𐦄 𐦅 𐦆 𐦇 𐦈

Через низкую узкую дверь я вышел из галереи и вошел в круглое помещение; его панели были сделаны из ясеня и сандалового дерева. В глубине помещения, на подставке из виноградных лоз, находилась глыба сверкающей белой соли. Над ней была картина: она представляла белого льва в короне и виноградную ветвь; оба они были на одном помосте, который поддерживался дымом горящего костра. Справа и слева от меня располагались две двери: одна из них выходила на иссохшую равнину. Там постоянно дул сухой обжигающий ветер. Другая дверь выходила на озеро, на краю которого виднелся фасад здания из черного мрамора.

Я приблизился к алтарю и взял в руки немного блестящей белой соли, которую Мудрецы называют **מֶלַח הַיָּם**. Затем я натер солью все тело... она меня всего пропитала, и, прочитав иероглифы, которые сопровождали картину, я решил покинуть это помещение. Первое мое намерение было выйти через дверь, открывавшуюся на равнину, но из нее вырывался жгучий пар; я предпочел путь через противоположную дверь. У меня была свобода выбора, при условии, однако, не покидать тот путь, который я избрал ранее... Я решил пересечь озеро; воды его были темны и казались спящими. На некотором расстоянии я хорошо видел мост, называемый **مِشְׁכַּת אֱלֹהִים** но я предпочел пересечь озеро, а не идти по длинной дороге, которую нужно было бы пройти, чтобы добраться до моста, следуя извилинам скалистого берега. Я вошел в воду; она была густая, как цемент; я заметил, что плыть было бесполезно; повсюду мои ноги ощущали дно. Я шел через озеро тринадцать дней. Наконец, я дошел до противоположного берега.

Земля имела темный цвет, похожий на цвет воды, в которой я путешествовал; еле заметный уклон привел меня к подножию здания, замеченного мной издалека. Оно имело форму вытянутого четырехугольника; на фронтоне были выгравированы какие-то знаки, похожие на те, что использовали священники древних персов. Все здание было из черного матового базальта; двери были из кипарисового дерева; они открылись и впустили меня.

Неожиданно поднявшийся теплый и влажный ветер быстро подтолкнул меня в середину зала и одновременно захлопнул за мной двери... Я очутился в полутьме; постепенно мои глаза привыкли к слабому свету, царившему в этом помещении, и я смог различать окружавшие меня предметы. Свод, стены и пол зала были черные, как эбеновое дерево; мое внимание привлекли две картины на стене. На одной из них был изображен конь, подобный тому, который погубил Троию. Из его приоткрытого чрева выпал человеческий труп. На другой картине был изображен человек, умерший много времени назад; отвратительные насекомые гниения копошились на его лице и пожирали вещество, которое их породило. На одном из полуразложившихся предплечий умершего уже были видны кости. Возле трупа был изображен человек, одетый в красное, который пытался приподнять тело; звезда блистала на его лбу, черная обувь была на его стопах; три черные пластины, заполненные серебряными знаками, были помещены над и под картинами, а также между ними. Я прочел их и прошел по всему залу, где мне предстояло провести девять дней.

В одном более темном углу находилась груда черной земли, жирной и насыщенной животными частицами. Я хотел взять

немного, но голос, оглушительный, как звук трубы, запретил мне это делать. "Только восемьдесят семь лет эта земля находится в этом зале, — сказал мне голос, — когда пройдет еще тринадцать лет, только тогда ты и другие Божьи дети смогут ей воспользоваться". Голос смолк, но последние звуки еще долго вибрировали в этом храме безмолвия и смерти. Проведя в нем предписанное время, я вышел через дверь, противоположную той, через которую вошел. Я снова увидел свет, но он был не слишком ярким после черного зала, и не утомил мои глаза, привыкшие к полутьме.

Я с удивлением увидел, что для того, чтобы подойти к другим зданиям, мне нужно было пересечь озеро, еще более широкое, чем первое. В воде я шел восемнадцать дней. Я вспомнил, что при первом переходе через озеро, по мере того как я продвигался, воды озера становились все более темными и густыми; в этом же озере наоборот, чем ближе я подходил к берегу, тем светлее становились воды. Моя одежда, которая во дворце стала черной, как стены, теперь показалась мне сероватой; она постепенно обретала цвет, однако не стала полностью голубой, а скорее цвет приближался к прекрасному зеленому оттенку.

Восемнадцать дней спустя я вышел на берег по ступеням из белого мрамора. Черный зал назывался חור первое озеро הא второе — חור הא

На некотором расстоянии от берега роскошный дворец возносил ввысь белоснежные колонны; отдельные части его соединялись портиками огненного цвета. Архитектура всего здания была легкой и воздушной. Я подошел к дверям; на фронтоне была изображена бабочка. Я вошел; весь дворец представлял собой один зал... его окружали три ряда колонн. Каждый ряд был образован двадцатью семью белоснежными колоннами. В центре здания была фигура человека; он выходил из гробницы; его рука, опиравшаяся на копьё, ударяла по камню, который его прежде запирали. Зеленый драпированный набедренник опоясывал его чресла, золото блестело внизу его одежды; на груди его висела квадратная пластина, на которой я различил несколько букв. Над этой фигурой парила висящая золотая корона, и, казалось, фигура стремится приподняться в воздух, чтобы схватить ее. Над короной была пластина из желтого камня, на которой было выгравировано несколько эмблем. Я разобрал их с помощью надписи, обнаруженной мной на могиле, и другой, которая была на груди человека.

В этом зале, называемом **بازار انار** я провел время, нужное, чтобы осмотреть все его закоулки, и вскоре вышел из него с намерением направиться через обширную равнину к башне, замеченной мной на довольно большом удалении.

الشيء وشدة الخمر

الطرب واليهاب

Как только я покинул ступеньки дворца, то заметил порхавшую передо мной птицу, похожую на **נספיר** но у этой, кроме собственных крыльев, были еще крылья бабочки. Голос из облака приказал мне поймать ее и привязать. Я бросился за ней, птица не летела, но с помощью крыльев бежала с очень большой скоростью. Я преследовал ее, а она бежала передо мной и заставила меня несколько раз пересечь равнину на всей ее протяженности. Я бежал за птицей не останавливаясь; наконец, после девяти дней бега я заставил ее вбежать в башню, которую я видел издалека, выходя из **יני** Стены этого здания были из железа. Тридцать шесть столбов из этого же металла поддерживали их, внутри они были из того же материала и инкрустированы блестящим железом. Фундамент башни был выполнен таким образом, что уходил под землю на двойную высоту башни. Едва птица вбежала в здание, ледящий холод, казалось, охватил ее. Напрасно она силилась подвигать отяжелевшими крыльями; она еще шевелилась, порываясь бежать, но так слабо, что я настиг ее чрезвычайно легко.

Я схватил птицу и с силой стальным гвоздем **סרה נחוש** через её крылья прикрепил к башне при помощи молотка называемым **نسطرچ**. Только я закончил, у птицы появились новые силы; она больше не вырывалась, но ее глаза стали блестящими, как топазы. Я был занят ее разглядыванием, как вдруг мое внимание привлекла группа, размещенная в центре зала. Она представляла прекрасного цветущего юношу, который держал в руках прут, обвитый двумя переплетенными змеями, и пытался вырваться из рук другого человека, высокого и сильного, опоясанного кушаком, и в железном шле-

ме, над которой колыхался красный султан; рядом с ним был меч; он опиралась на щит, испещренный иероглифами; вооруженный человек держал в руках тяжелую цепь; он сковывал ею тело и ноги подростка, который тщетно старался убежать от своего ужасного противника; на двух красных дощечках были надписи. Я покинул башню и, открыв дверь, находившуюся между двумя столбами, очутился в просторном зале.

Зал, в который я только что вошел, был абсолютно круглым, он напоминал внутреннюю часть шара, сделанного из вещества твердого и полупрозрачного, похожего на хрусталь, отовсюду в него проникал свет. Внутренняя часть опиралась на широкий таз, наполненный красным песком, ровное и приятное тепло царило в этом круглом помещении. Мудрецы называют этот зал **זוהר** таз с песком, который его поддерживает, называется **אש החיה**. Я с изумлением разглядывал этот хрустальный шар, и вдруг новое явление возбудило мое восхищение: от пола зала тихо начал подниматься влажный шафранный пар; он окружил меня, мягко приподнял и в течение тридцати шести дней нес меня к верхней части шара. После этого пар ослаб, я постепенно опустился и, наконец, оказался на полу; моя одежда изменила цвет; когда я входил в зал, она была зеленой, теперь стала ослепительно красной. Напротив, песок, на котором лежал шар, потерял свой красный цвет и приобрел различные оттенки черного. После окончания моего спуска я провел еще три дня в этом зале. После этого я вышел из зала и попал на широкую площадь, окруженную колоннадами и позолоченными портиками; посреди площади стоял бронзовый пьедестал, на нем была установлена группа, представлявшая высокого и сильного человека; его величественная голова была покрыта шлемом, увенчанном короной; сквозь ячейки его золотой кольчуги проглядывала синяя одежда; в одной руке он держал белую палку, покрытую письменами, а другую протягивал прекрасной женщине; на его спутнице не было никакой одежды, солнце сияло на ее груди; в правой руке она держала три шара, соединенных золотыми коль-

цами; венок из красных цветов украшал ее прекрасные волосы, она устремлялась ввысь и, казалось, увлекала туда за собой и воина, который ее сопровождал; их обоих несли облака; вокруг группы, на капителях четырех колонн из белого мрамора, были установлены бронзовые статуи; у статуй были крылья, и казалось, они трубили в трубы. Я пересек площадь и, поднявшись на мраморное крыльцо, находившееся предо мной, с изумлением увидел, что вернулся в тронный зал (первый, в котором я очутился, прибыв во дворец Мудрости). Треугольный алтарь все еще стоял в центре зала; но птица, алтарь и факел теперь объединились и образовали одно целое. Возле них находилось солнце из золота; меч, который я принес из огненного зала, лежал в нескольких шагах от этого места, на подушках одного из тронов.

Я взял меч и, ударив солнце, обратил его в пыль. Потом я прикоснулся к нему, и каждая молекула стала золотым солнцем, подобным тому, которое я разбил. "Великое Делание совершено", — провозгласил в это мгновение громкий мелодичный голос. На этот крик дети света поспешили присоединиться ко мне. Врата бессмертия были открыты мне. Пелена, застилающая глаза смертных, рассеялась. Я УВИДЕЛ, и духи, управляющие элементами, признали меня своим учителем.

וְיִשְׂרָאֵל יִשְׁמַע וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יֶחֱסֶה וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יֶחֱסֶה וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

וְיִשְׂרָאֵל יִשְׁמַע וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יֶחֱסֶה וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ יְהוָה יֶחֱסֶה וְיִשְׁתַּחֲוֶה לַיהוָה יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

100

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

𐌆𐌗𐌚𐌛

Li(0)E

V.0.0

A.C.0.0

*M.0.0

0.0.0.0.0

Y.0.0.0.0

C.XXIII

0.0.0.0.0

0.0.0.0.0

0.0.0.0.0

0.0.0.0.0

0.0.0.0.0

B!M.0.0

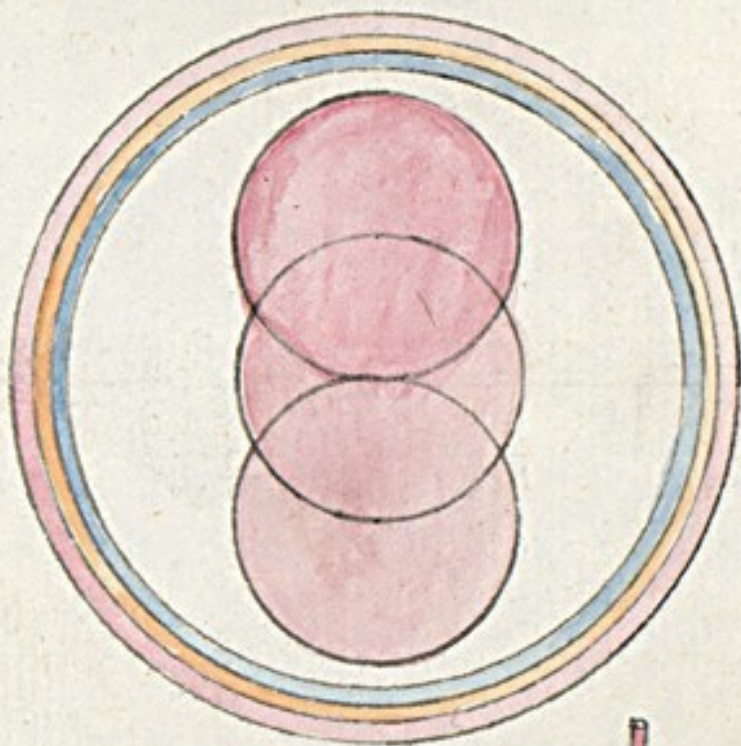
0.0.0.0.0

אֵלֹהֵינוּ יְהוָה

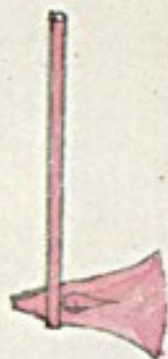
יְהוָה יְהוָה יְהוָה

יְהוָה יְהוָה יְהוָה

יְהוָה יְהוָה יְהוָה

IX

٦	٧	٨	٩	١٠	١١	١٢	١٣	١٤	١٥	١٦	١٧	١٨	١٩	٢٠
●	○	◻	◼	◽	◾	◿	◊	◈	◉	◊	◈	◉	◊	◈
666	-	◇	◊	◈	◉	◊	◈	◉	◊	◈	◉	◊	◈	◉
X	1	1	721	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•	•

